

Задача была еще не выполнена и наполовину, как он внезапно оказался в другом мире. Приходится признать: даже при железной выдержке Цан Шуина в тот миг он был ошарашен. Если описывать его выражение лица... то это был чистый шок.

К счастью, самообладание Цан Шуина было не просто пустым звуком. Он быстро взял себя в руки и принялся изучать воспоминания прежнего владельца тела.

В них не было ничего примечательного: обычная история о том, как из доброго юноши в Мяоцзяне вырастили жестокого и извращенного злодея.

Прежний владелец знал, что у него есть младший брат, которого бросили еще в младенчестве. А его самого люди из Мяоцзяна нашли позже.

Спустя столько лет он уже забыл, как выглядел брат, но никогда не мог забыть, как тот, еще будучи в пеленках, вместо плача от боли, которую он причинил ему по неосторожности, пускал пузыри и улыбался.

С того самого момента он дал клятву защищать брата и не позволить ему пострадать.

Это обещание стало его движущей силой и одновременно корнем того искажения, которое сделало его таким, каким он стал.

Главным увлечением прежнего владельца было искать братьев с разницей в возрасте в три года, убивать старшего, а младшего оставлять себе, заботясь о нем, как примерный брат. Правда, вскоре он убивал и младшего с формулировкой: Как такой никчемный отброс может быть моим братом? Ах, прямо как Е Эрнян из Полубогов и полудьяволов господина Цзиня.

Глядя на свой наряд с открытой грудью, животом и спиной, а также на серебряные украшения, которые звенели при каждом движении, Цан Шуин чувствовал себя неловко, словно был совсем раздет.

Ничего не поделаешь, в прошлой жизни он привык кутаться в одежду, так что неудивительно, что в новом мире возник дискомфорт.

Это был мир боевых искусств, а его личность — Святой Сын Мяоцзяна, Цзюнь Шаошан. Вспомнив, что он всегда играет роль злодея, он попробовал прикинуть своих врагов, а затем... решительно сдался.

Люди, которых прежний владелец убил ради своих прихотей, могли бы составить целую армию. Он физически не мог вычислить сына судьбы среди такого количества родственников и друзей жертв.

Яды Мяоцзяна считались непревзойденными в мире, и это было общепризнанным фактом.

Просто Мяоцзян никогда не жаловал ханьцев, поэтому для всех он оставался загадочным местом. Яды лишь добавляли ему таинственности и опасности, заставляя людей держаться подальше.

Говоря о ядах Мяоцзяна, нельзя не упомянуть Секту Тан.

Их механизмы и яды не знали себе равных, и в искусстве отравления они могли поспорить с Мяоцзяном. Однако Секта Тан всегда вела себя сдержанно, а их оружие было настолько мощным, что никто не был настолько глуп, чтобы нарываться на них.

Тем не менее, раз в год Секта Тан и Мяоцзян устраивали обмен опытом, и их знания о ядах росли благодаря постоянным поединкам.

В Мяоцзяне не было главы, были лишь Святой Сын и Святая Дочь. Сын отвечал за внешние дела, Дочь — за внутренние. Конечно, если Сын был мягким, а Дочь властной, роли могли меняться.

Раз они были Святым Сыном и Дочерью, то не могли быть ханьцами. Прежний владелец и его брат были вывезены одним из старейшин, который предал Мяоцзян. Хотя его самого позже нашли, брата отыскать было почти невозможно.

Ведь у прежнего владельца тогда уже были зачатки памяти, а его брат был еще в пеленках. Даже если изначально Святым Сыном должен был стать тот младенец, после его исчезновения место занял тот, кто был ближе всего к нему по статусу.

— Господин Святой Сын, — кто-то появился за дверью и почтительно доложил: — Местонахождение младшего господина в основном подтверждено.

Все лишние мысли были отброшены. В этот момент Цан Шуин стал тем самым искаженным человеком — Цзюнь Шаошаном.

— Где он? — выйдя из комнаты, спросил Цан Шуин с нескрываемым волнением на лице.

Весь Мяоцзян знал, насколько глубока одержимость Святого Сына своим братом, поэтому гонец быстро выложил все, что знал, боясь, что промедление вызовет гнев господина:

— Внешний ученик Секты Тан, Тан Сань, с большой вероятностью и есть младший господин.

Цан Шуин прищурился, медленно повторяя:

— Секта Тан...

Хотя тон был мягким, от этих слов будто повеяло кровью.

Гонец вздрогнул, стараясь стать как можно незаметнее, чтобы его не задело рикошетом. Если Тан Сань окажется братом, то между Мяоцзяном и Сектой Тан наверняка вспыхнет война. А его, как вестника, Святой Сын может легко сделать козлом отпущения.

— Выдвигаемся немедленно! — Цан Шуин холодно бросил взгляд на человека у своих ног и мгновенно исчез. С характером прежнего владельца, была ли хоть малейшая вероятность или нет, он все равно пошел бы проверить.

Секта Тан не так тщательно охраняла досье внешних учеников, поэтому Цан Шуин легко получил всю информацию о Тан Сане.

Нужно признать, Тан Сань был талантлив и обладал хорошим характером, не озлобившись на мир, будучи сиротой. Если он действительно был братом прежнего владельца, Цан Шуин мог лишь констатировать, насколько причудлив этот мир.

Он скакал во весь опор к Секте Тан, но прямо перед прибытием случилось непредвиденное.

— Господин Святой Сын, Тан Сань украл тайные записи Сюаньтянь и отправился к обрыву Гуйцзяньчоу! — доложил разведчик, и это известие заставило лицо Цан Шуина измениться.

— В погоню! — бросил он и исчез из кареты.

Кучер вытер пот, с сочувствием глядя на разведчика. Он мог лишь надеяться, что Тан Сань не брат господина, иначе гонца точно ждет кара.

— ...Тан Сань сейчас вернет все Секте Тан.

Издаലെка донеслись эти слова, а затем — громкий смех. Цан Шуин содрогнулся и приказал двигаться еще быстрее.

Когда он добрался до края обрыва, то увидел, как человек уже падает вниз. Не раздумывая, он прыгнул следом. Но он опоздал: несмотря на прыжок, он лишь коснулся кончиков пальцев того человека.

Глядя на изумленное лицо парня, которое скрылось в облаках еще до того, как он успел что-то сказать, Цан Шуин прошептал то, что не успел произнести:

— Брат...

В тот миг, когда он коснулся его пальцев, он понял: Тан Сань — это и есть брат. Но он не ожидал, что придет так не вовремя и будет лишь беспомощно смотреть, как брат идет на смерть.

Золотая шелковая нить прорезала ладонь, углубляясь в плоть, кровь стекала по руке. Но он словно ничего не чувствовал, не отрывая взгляда от бездны.

— Господин Святой Сын! — люди из Мяоцзяна догнали его и с тревогой зывали, лежа на краю обрыва.

Зов подчиненных наконец вернул Цан Шуина в реальность. Слегка подтянувшись, он выбрался обратно на скалу. Его лицо было спокойным, как никогда прежде после того, как он стал Святым Сыном.

— Не знаю, чем обязан визиту Святого Сына? — осторожно спросил глава Секты Тан, господин Тан. Но в душе у него уже зародилось дурное предчувствие.

Цзюнь Шаошан был жесток, но не был безумцем. Прыгать с обрыва — это было не в его стиле. Судя по его действиям, он явно пытался спасти Тан Саня.

Но какой резон Святому Сыну Мяоцзяна спасать внешнего ученика? Вспоминая его неустанные поиски брата...

— Ищу человека, — Цан Шуин глубоко вздохнул, прищурился и вдруг пнул ногой вещи, лежавшие на земле, отправив их в пропасть. Он слегка улыбнулся господину Тану: — Тан Сань — мой родной брат, и я заберу его домой. Прошу господина Тана передать мне его вещи.

Вещи какого-то внешнего ученика в обмен на благосклонность Святого Сына Мяоцзяна — господин Тан посчитал, что это выгодная сделка. Только... он не ожидал, что Тан Сань, которого он ни во что не ставил, был братом самого Святого Сына. Если бы он знал раньше, то взрастил бы его, и тогда Секта Тан получила бы преимущество перед Мяоцзяном.

К сожалению, они не только не поощряли Тан Саня, но и довели его до смерти.

Забрав вещи, Цан Шуин развернулся и ушел, не задержавшись ни на миг. Старейшины Секты Тан провожали его с замиранием сердца.

Если бы они схлестнулись, Святой Сын Мяоцзяна, конечно, погиб бы, но и они понесли бы тяжелые потери. Секта Тан была непревзойденной в механизмах, но на Гуйцзяньчоу механизмов не было. Что касается скрытого оружия... Святой Сын только что сбросил Лотос Будды Секты Тан в пропасть.

Секта Тан была начеку несколько месяцев, но, видя, что в Мяоцзяне все спокойно, а Святой

Сын ведет себя тихо, они расслабились.

Прошло десять лет. Цан Шуин снова пришел к Гуйцзяньчоу, а позади него полыхала Секта Тан. Секта, процветавшая в Башу сотни лет, сегодня была полностью уничтожена.

— Достопочтенный, — бесшумно появившись за спиной, прошептал человек в черном. — Тысяча триста человек из Секты Тан — никто не ушел.

— Хм, — холодно отозвался Цан Шуин, глядя на облака внизу. Десять лет назад Тан Сань прыгнул отсюда, украв секреты Секты Тан. Десять лет спустя он стер Секту Тан с лица земли.

Цан Шуин не давал приказов, и человек в черном не уходил, застыв за его спиной, словно тень.

Спустя мгновение Цан Шуин поднял голову, его голос звучал глухо, наполненный странным чувством:

— Моя месть свершилась, пришло время уходить. — Он помолчал, обернулся к человеку в черном, и в его глазах промелькнула теплота: — Спасибо, что был рядом все эти десять лет. Но... мне нужно найти Шаоцина. Я обещал защищать его, но так и не сдержал слова. Надеюсь, на пути в загробный мир он не будет держать на меня зла.

Человек в черном сделал резкий шаг вперед, но замер, глядя на безмятежную улыбку Цан Шуина, и беспомощно наблюдал, как тот прыгает с обрыва.

Прижав правую руку к груди, человек в черном низко поклонился:

— Достопочтенный, пусть ваш путь будет легким.

Цан Шуин не был склонен к самоубийству, но без этого он не смог бы покинуть тот мир. За десять лет он так и не нашел следов сына судьбы и не хотел больше ждать. К тому же ситуация в прошлом мире вызвала у него массу подозрений, и он хотел разобраться, что же там произошло на самом деле.

Перед «смертью» он уладил все дела. В Мяоцзяне после него появится новый Святой Сын, а силы, которые он создавал десять лет, уйдут в тень. Цзюнь Шаошан исчез десять лет назад, а тем, кто остался, был лишь несчастный человек, чьего брата погубила Секта Тан.

Никто не узнает, что разрушителем Секты Тан был Святой Сын Мяоцзяна.

— Ваше Высочество, время встречи с главой секты Нин скоро наступит, — напомнил кто-то у двери Цан Шуину, который рассеянно листал бумаги.

Отложив свиток, Цан Шуин болезненно потер виски. Попадание в новый мир — это ладно, он привык, но... на этот раз пришлось расти с младенчества.

Впрочем, он догадывался почему. Вероятно, чтобы соответствовать его полу, пришлось провести своего рода «операцию по смене пола».

Но у этого была цена: помимо мелких неприятностей роста, он получил в придачу светобоязнь. При солнечном свете боль была невыносимой, словно от ожогов, и никакие лекарства не помогали.

Сняв с вешалки плащ и взяв зонт, он вышел из комнаты.

Когда он добрался до ресторана, Нин Фэнчжи уже сидел там с юношей. В том, как Нин Фэнчжи держался с ним, было уважение к равному и забота старшего к младшему, никакой спеси.

— Цинхэ, ты пришел! Это Тан Сань. Сяо Сань, это Сюэ Цинхэ. — Нин Фэнчжи сразу заметил Цан Шуина, поднимающегося по лестнице, и с улыбкой встал, чтобы представить их друг другу.

— Дядя Нин, не стоит такой формальности, — Цан Шуин опустил привычно вздернутый подбородок, голос звучал легче, чем обычно. Он взглянул на юношу, и сила правил, окутывающая того, сделала его улыбку более искренней и мягкой: — Я слышал об открытии турнира, ты очень талантлив.

— Благодарю за похвалу, Ваше Высочество, — Тан Сань опустил голову, скрывая замешательство. Человек, с которым глава секты «Семи сокровищ» Нин Фэнчжи общается на равных, явно не простой аристократ. А внешность этого юноши напоминает принца Сюэ Сина и сегодняшнего императора Сюэ Е... Личность угадать было нетрудно.

Однако, подняв голову, он снова почувствовал трепет, встретившись с глазами Цан Шуина. Вроде бы обычные, но невероятно красивые, они при улыбке словно оттаивали, становясь похожими на сверкающую гладь озера.

Это заставляло... невольно хотеть поцеловать их.

Но он быстро подавил это чувство и спокойно посмотрел на Цан Шуина. Похоже, ему нужно усерднее тренировать дух, иначе он будет влюбляться в каждого встречного красавца? Так и до внутреннего демона недалеко.

Цан Шуин улыбнулся, не отрицая обращения Тан Саня. Он присел только после того, как сел Нин Фэнчжи, и легко сменил тему:

— Хотя я не все знаю из-за нехватки времени, но в общих чертах владею информацией... В те

годы рядом с Доуло Хао Тянь была женщина, они были очень близки, но тогда он еще не был Титулованным Доуло, а лишь Духовным Доуло. Позже кое-что случилось, и он стал самым молодым Титулованным Доуло, но та женщина исчезла. После этого Секта Хао Тянь, глава трех высших сект, начала уходить в тень, контакты с внешним миром сократились. В те времена два Доуло в одной секте были великим событием, но теперь... все знают лишь имя секты, бывшего величия больше нет.

Тан Сань, не успев осознать свое смятение, полностью сосредоточился на словах Цан Шуина. Чем больше он слушал, тем сильнее сжимались его кулаки. Голос его стал хриплым:

— Ваше Высочество, это был Зал Боевых Духов, верно?

Если это был Зал Боевых Духов, то все сходилось. Только они могли заставить первую секту уйти в тень и вынудить Титулованного Доуло скрываться. Ведь это была сила, равная двум великим империям...

— Да, — Цан Шуин погладил край чашки, его глаза на мгновение стали пустыми, но тут же наполнились извинением: — Я продолжу расследование дела Доуло Хао Тянь, но прошло много времени, и не факт, что удастся что-то найти, прошу прощения.

— Благодарю за информацию, Ваше Высочество, для меня это уже очень важно. — Тан Сань быстро взял себя в руки, хотя его пальцы под столом побелели от напряжения, выдавая внутренний шторм.

Цан Шуин слегка улыбнулся:

— Не стоит благодарности, сущий пустяк.

Если бы он знал, что ищет сына судьбы, то не пожалел бы вдвое больше сил. Впрочем, еще не поздно, он ведь сказал, что продолжит искать.

Но... Тан Сань? Имя такое же, как у человека из того мира. Наверное, совпадение. Имя слишком обычное, мало ли однофамильцев.

При этой мысли Цан Шуин почувствовал легкую боль в груди.

Чувства прежнего владельца оказались сильнее, чем он ожидал. Даже его непоколебимая воля была затронута. Если бы не это, он не бросил бы титул Святого Сына Мяоцзяна и не стал бы создавать новую организацию, чтобы уничтожить Секту Тан.